"Ты навсегда станешь обладателем сомнительного рекорда, наряду с мисс Гвинн, как самый первый человек, который воспринял мои слова во время собрания как открытое время для секса", - укорила его Эмма, когда он оказался в знакомом месте. То есть на животе, ее молочные бедра обхватили его голову, рука в его волосах, а директриса в корсете и шелковых бедрах орально доминировала над ним. "Что вряд ли было моим намерением, когда я давала это собрание". Полная ложь. "И что я бы расценила почти как акт неуважения. Вы и так находитесь на очень тонком льду, мистер Аллейн, поэтому я бы посоветовала вам не заходить дальше".

Случай с синими яйцами, которым он был поражен из-за вызова Эммы, был еще более жестоким, чем накануне вечером, и это была полная агония - лизать ее киску, зная, что у него действительно нет выбора, кроме как сделать все возможное, попытаться умиротворить ее через сексуальное удовлетворение. Но теперь ему даже читали нотации, пока он сосал ее половые губы, повторяя все движения, которые он усвоил, находясь в одной комнате с ее мужем. Почему среди вещей, которые он усвоил, было именно то, как отсасывать Эмме, и что он мог делать в качестве такой выдающейся базы знаний, становилось все менее и менее непонятным с каждым мгновением.

"И не думай, что подражание оральной технике моего мужа принесет тебе какие-то очки". Она наконец-то подняла его лицо вверх, ухмыляясь про себя. "Каждый раз, когда ты будешь приходить в мои покои на урок, ты будешь оказывать мне уважение. Это уважение подразумевает, что ты будешь есть меня до тех пор, пока я не скажу, что ты закончил. Иногда это будет всего лишь несколько мгновений, а иногда это может быть целая ночь. Но ты сделаешь это". Ее ударение было резким, а слова - кристально чистыми; у нее была манера быть очень прямой, и он быстро понял, что это происходит всякий раз, когда она чего-то хочет, даже просто, чтобы ее воля была признана и исполнена. "Вы поняли?"

"Да..." Дерганье за волосы оборвало неофициальное подтверждение, прежде чем он успел его закончить, что, похоже, стало постоянной темой его дня, и заставило его быстро выдохнуть: "Да, мисс Фрост".

"Хорошо", - сказала она, отпустив его волосы. "Тогда подтянись, и мы посмотрим, сможешь ли ты угодить женщине с настоящим опытом. Не думай, что мисс Гвинн - это повод считать себя особенно одаренным или способным доставить мне удовольствие; я действительно была с мужчинами достойного калибра".

Ее оскорбления становились все более утомительными, а тот факт, что она, казалось, открыто ненавидела его, все меньше и меньше стоил того, чтобы страдать каждый раз, когда она открывала рот, но, возможно, на этот раз она не откажет ему в возможности кончить. Он надеялся, по крайней мере; три отказа были бы, вероятно, больше, чем он мог выдержать, и к утру он выбыл бы из программы. Шанс заняться сексом с Эммой не стоил того, если он не собирался заниматься сексом с ней. Или вообще ни с кем.

Эмма элегантно улеглась на кровать, и он был почти захвачен ее красотой настолько, что потерял свою ярость. Ее огромные груди, подтянутые корсетом, казались еще более заметными, когда она лежала на спине, великолепные и полные формы раскинулись, длинные волосы обрамляли ее, как ангельскую фигуру, одетую во все белое. Все еще в перчатках и

чулках, она являла собой образ чистоты на поверхности, хотя под ней наверняка скрывалось что-то темное и вульгарное, как бы она ни старалась одеваться иначе.

Дэвид опустился на нее с членом в руке, быстро перебирая в уме все сексуальные знания, которые он впитал. Техника поедания киски Циклопа принесла ему немного пощады, но он должен был предложить ей что-то новое, неожиданное и, возможно, совсем свежее. Его уже липкий кончик прижался к ее бугорку, и он нащупал что-то, и пошел на это по прихоти, не зная, чьи это знания. Это не имело значения, ему просто нужно было показать себя Эмме, может быть, трахнуть ее достаточно сильно, чтобы она замолчала навсегда.

Может быть, даже трахнуть ее так сильно, чтобы она стала той версией Эммы, о которой он заявлял Джулиану, что провел ночь, нарушая его права.

Проводя взад-вперед по ее щели, он немного поддразнил ее: его кунилингус сделал ее довольно чувствительной, и теперь он мог пожинать плоды этого. Он двигался вперед и назад, проводя по губам ее киски, дразня клитор кончиком пальца и даже капнув на него немного смазки, которую он тут же втер в чувствительный узелок. Все это время его глаза были устремлены на нее, встречаясь с соперничающим огнем. Ему было что доказывать, и она хотела, чтобы он не выдержал и оправдал все, что она о нем сказала, обеспечив тем самым довольно мощный, полный козырей секс. Оба хотели быть правыми, претендовать на победу, и в этом отношении секс казался им почти второстепенным.

http://erolate.com/book/1995/54913